

Проблемы гендера в философии, истории и культурологии

Сегодня же повышенный интерес к семье и браку обусловлен рядом причин. Треть всех браков оказывается нежизнеспособной. Вопрос об укреплении брака и улучшении брачной структуры населения приобретает важнейшее государственное значение в связи с проблемой рождаемости. Решение таких проблем немислимо без изучения механизмов внутрисемейных отношений. Социально-психологический климат в семье определяет устойчивость этих отношений, оказывает решительное влияние на развитие и детей, и взрослых.

Брак определяется как комплекс духовно-этических и эмоционально-сексуальных санкционированных обществом отношений между мужчиной и женщиной.

Семья же определяется как малая группа, сформированная на основе брачных отношений и объединяющая супругов и их потомство. Семья ведь не просто союз двух лиц, которые случайно сошлись и случайно разошлись. Это союз, в котором люди ответственны друг за друга, и, прежде всего за своих детей.

Да и напрасно думают, что занятия, принадлежащие женщине, менее важны, чем занятия мужчины. Действительно: неужели благоустроить дом легче, чем управлять машиной или заниматься в конторе? Неужели воспитывать детей легче и менее важно, чем судить людей, управлять городом или областью? Воспитание детей настолько важное и трудное дело, что даже самая умная и способная женщина должна смотреть на него как на едва выполнимую задачу.

Но почему женщине так хочется занять место мужчины, отобрать у него приоритеты? Это стремление из навязчивой идеи превратилось в норму жизни. Одной из причин такого стремления является то, что женщина вынуждена работать для обеспечения среднего прожиточного минимума своей семьи. Например, 57 % взрослого населения Америки считают идеальным такой брак, в котором и муж, и жена имеют работу и разделяют ответственность за воспитание детей и содержание дома. Не так уж редко можно заметить мужчину, который нянчится с детьми, ходит по магазинам, а затем бегаёт в фартуке по кухне и готовит ужин, в то время как женщина пропадает на работе и является главной добытчицей материальных благ. В итоге увеличивается число разводов (на 1000 зарегистрированных браков в Беларуси приходится 817 разводов); дети воспитываются в неполных семьях, и, наконец, нарушается исторически сложившаяся роль женщины и мужчины в обществе, в результате чего происходит изменение стереотипов общества, переоценка ценностей.

Л и т е р а т у р а

1. Дерзай, Дщерь! Размышления о женском призвании / Даниловский благовест. – М., 2001.
2. Турецкая, Г.В. Деловая активность женщин и семья. – 2001. – № 2. – С. 67-73.
3. Левкович, В.П. Взаимоотношения супругов в семьях предпринимателей // Психологический журнал. – № 5. – 2004. – С. 24-31.

С.В. Андриевская (Беларусь)

МАТЕРИНСТВО В ТРАДИЦИОННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОЛОГИИ

В материнстве как высшей форме проявления женского начала женщина реализует себя полностью. На протяжении истории человечества в различных обществах существовали отличающиеся друг от друга представления о предназначении женщины, в разных культурах различался и идеал матери. Для белорусов также характерен свой образ женщины-матери, который сложился под воздействием этнических, культурных, социальных и иных определяющих факторов.

Материнство исследуют многие науки: медицина, психология, культурология, лингвистика, история и другие. Для того чтобы наиболее полно определить сущность феномена материнства, отследить механизмы взаимодействия личности женщины и социального окружения, понять закономерности передачи из поколения в поколение культурного этнического опыта, целесообразно обратиться и к такой науке, как этнология.

Этнология – это наука, изучающая процессы формирования и развития этнических групп, их идентичность, формы их культурной самоорганизации, закономерности коллективного поведения и взаимодействия, взаимосвязи личности и социальной среды. На сегодняшний день данная наука представляет сложную систему знаний. Специалисты считают, что процесс дифференциации этнологической науки далёк от завершения [1, с. 21]. Среди разделов данной науки имеют непосредственное отношение к рассматриваемой теме следующие: этническая психология (формирование этнических стереотипов, этнического сознания и идентификации); этнодемография (демографические процессы и динамика численности народов); этнопедагогика (особенности воспитательного и образовательного процессов у различных этносов). Материнство, как рассматриваемое с точки зрения этнологии явление, может быть предметом для исследования в каждом из перечисленных направлений данной науки. Однако, наиболее

Проблемы гендера в философии, истории и культурологии

целостный портрет матери в белорусском традиционном обществе можно представить себе только обобщив эти три направления.

В белорусской народной культурной традиции женщину воспринимали, прежде всего, как мать. Жизнь девушки до брака рассматривали как подготовку к своей главной социальной роли – материнству. Отсюда и высокая ценность целомудрия, трудолюбия, культивируемая в белорусской народной культуре. Женщина у белорусов, как в крестьянской, так и в дворянской среде, имела достаточно высокий статус. Церковь и народная традиция поддерживали идеал многодетной семьи. Как и у большинства народов, многодетность считалась нормой; рождение и воспитание детей считалось основным предназначением женщины.

По мнению многих исследователей, только с кон. XVII ст. в европейском массовом сознании утвердился образ семьи как сферы эмоциональной привязанности между супругами и между родителями и детьми. До этого брак был скорее экономическим соглашением между семьями супругов [2, с. 10]. В XIX ст. формируется образ ласковой, любящей матери [3, с. 159]. В отличие от отца, воплощающего закон и долг, мать ассоциируется с эмоциями, прежде всего, с любовью и лаской. Например, в старину считалось, что благословение матери способно спасти ребёнка в самых безнадёжных ситуациях, что отражается в сказках, поговорках [4, с. 203].

Наиболее тесной является связь между матерью и ребёнком в первые годы жизни ребёнка. Поэтому в славянском фольклоре распространены сюжеты о тесной связи матери и ребёнка. Мать на расстоянии чувствует грозящую ребёнку опасность, как и причинённую ему боль, способна «брать её на себя». Связь эта сохраняется и после смерти: умершая мать приходит с «того света» кормить младенца, ухаживать за ним, она является во сне и «наяву» своим детям, чтобы предостеречь, подсказать, высказать свои претензии (мотив часто встречается в сказках). Точно так же и умерший ребёнок является своей матери. Материальным воплощением этой связи выступает материнское молоко, отсюда и «вторичное», «молочное» родство, которое устанавливается в результате грудного вскармливания («молочные братья»). С молоком матери, по народным представлениям, ребёнку передаются не только все важнейшие ценности («впитал с молоком матери»), но и грехи [4, с. 205]. В первые дни и месяцы жизни младенца мать выступает как его главная защитница от внешнего мира, нечистой силы, враждебно настроенных людей. Например, у славян считалось, что если ребёнок рождался без признаков жизни, имя матери, которое громко выкрикивали в ухо младенцу, способно оживить новорожденного. Мать принимала профилактические меры (в том числе и магические), чтобы ребёнок не умер и был здоров, она же занималась и его лечением, а в самых сложных случаях у белорусов мать должна была «переродить» ребёнка, то есть имитировать роды.

Однако мать как носительница женского начала может быть, с точки зрения традиционных верований, и угрозой для ребёнка. Так, в одном из вариантов обряда пострижения ей не разрешали стричь ребёнка, потому что она может «укоротить» ему жизнь. Важным ритуалом окончательного оформления символического расставания матери и ребёнка является отлучение от груди: переход от материнского молока к другой пище, символически соотносящейся с отцом, – к хлебу. У белорусов эта процедура связана с множеством суеверий и примет. Так, считалось, что нельзя, отлучив от груди, вновь прикладывать к ней ребёнка, в противном случае у него будет «дурной» глаз. При отлучении от груди гадали о будущем ребёнка: перед ним раскладывали различные предметы, и тот предмет, к которому он потянется, предопределял будущее профессиональное занятие.

Связь матери и ребёнка подчёркивают поговорки: «дзіця бярэш за руку, а матку – за сэрца», «якая матка, такое і дзіцятка», «у каго матка, у таго галоўка гладка» [5, с. 96]. Согласно народной традиции, быть матерью означает не только произвести на свет ребёнка, но и вырастить его полноценным членом общества. Например, на матери лежит ответственность за сохранения целомудрия дочери, что отражено в свадебной обрядности белорусов. Многочисленные поговорки и пословицы свидетельствуют об ответственности матери за судьбу детей: «якая матка, такое і дзіцятка», «дзеўка маткаю красна», «па гнязду відаць, якая птушка» [5, с. 97].

Считается, что мать передаёт свой опыт, учит детей первым трудовым операциям. Современные белорусские этнологи определяют этот процесс как «материнскую школу» [5]. Народная традиция приписывала в качестве непосредственного обязательства матери обучение детей обоих полов несложным трудовым навыкам: уборке дома и хозяйственных помещений, двора, заготовке кормов для животных, их кормлению, выпасу животных, уходу за младшими детьми. Однако считалось, что мать имеет большее влияние на девочек, а отец – на мальчиков. «Материнская школа» включала постепенное обучение девочек «женским» обязанностям: прядению, ткачеству, шитью, вышивке, приготовлению еды и т.д. Обучение происходило в процессе повседневного труда, наблюдения детей за действиями матери. Этого требовало строгое разделение видов выполняемой работы в селе на «женскую» и «мужскую», которое существовало в бе-

Проблемы гендера в философии, истории и культурологии

белорусской деревне до 2-й пол. XX ст. Согласно белорусской народной традиции, мальчики оставались под опекой матери до 14 лет, а девочки – до момента вступления в брак [5, с. 95].

Пол рождённых женщиной детей влиял на восприятие женщины окружением. Так, женщина, чей первенец был мальчик, у белорусов имела особый статус: её называли «молодицей», а не «бабой». В некоторых местностях считалось, что женщина, родившая только сыновей, не утратила невинности [4, с. 206].

Поведение матери зависело от того, живы ли её дети. Следует учитывать, что при высокой детской смертности в кон. XIX – нач. XX ст. (а именно этот период описан в большинстве «классической» этнографической литературы) практически в каждой семье были дети, умершие в малолетстве. Отношение матери, похоронившей ребёнка, было противоречивым: с одной стороны, сельчане высказывали к ней уважение, с другой, обвиняли её в том, что она «паёчку дзіцячу з'ела». Особенно велика ответственность матери за смерть детей некрещёных. Повсюду в славянском мире смерть ребёнка накладывала на мать повышенные обязательства: она не ест фрукты и ягоды, пока они не будут освящены на празднике Спаса, в противном случае её ребёнок будет лишён их на «том свете». Горе матери, потерявшей ребёнка, подвергается строгой цензуре, так как на матери лежит ответственность за благополучие всего рода: она не имеет права ни оплакивать ребёнка, иначе на «том свете» он утонет в слезах, ни провожать на кладбище (если ребёнок первенец), в противном случае будут умирать все последующие дети.

Смерть матери считается величайшим несчастьем для всей семьи. Говорят: «Маці ўмерла, то і дзіця аслеп». Многие приёмы воспитания в народной традиции апеллировали к угрозе сиротства: так, например, под этим предлогом («мать умрёт») ребёнку не разрешали убивать лягушек, ящериц, ласточек, ходить в одном ботинке и т.д. [3, с. 205]. Тяжёлым было положение детей, которые остались без матери. Любовь родной матери отражена в фольклорных текстах: «Няма той крамкі, дзе прадаюцца мамкі», «Лягушка рада вясне, а дзіця – маці», «Без маці, без айца, блукаецца, як аўца» и т.д. [7, с. 19].

Отрицательный образ мачехи характерен для народной традиции белорусов. Фольклорные тексты содержат негативное отношение к мачехе. Например, в белорусских народных сказках распространены сюжеты, в которых злая мачеха изводит сироту-падчерицу или пасынка («Марыся», «Казка пра сіротку і вятру», «Казка пра залатую яблыньку» и др.) [8, с. 365-337].

В белорусских народных обрядах отражён символический переход женщины из одного статуса в другой. Так в свадебной обрядности белорусов прослеживается не только переход невесты в стан замужних женщин (снимают венок, завязывают платок), но и обряды передачи свекровью символов женской мудрости в доме (передника, кочерги, ухвата и др.) невестке. На свадьбе обе матери (свекровь и теща) благословляют молодых. Если одна из матерей умерла, то за её благословением ходят на могилу, так как в материнского напутствия молодые будут несчастливы в браке. Одновременно статус матери жениха к хозяйки дома оказывается под угрозой. Появление невестки в доме означает не только конец городского периода в жизни свекрови, но и в более широком смысле – приближение конца [4, с. 205]. Таким образом, на свадьбе мать переживает перемены в своём статусе: выполнив свой материнский долг (растит детей) и женив сына или выдав замуж дочь (с точки зрения традиционного общества), женщина переходит в новую возрастную группу.

Однако для традиционного общества, где социальные роли достаточно чёткие, находится место и женщине-старухе. У белорусов считается, что такая женщина может быть повивальной бабкой. В крестильно-крестильной обрядности ей принадлежит ведущая роль. Она не только непосредственно принимала роды, но и совершала магические действия, способствовавшие обеспечению дальнейшего гармоничного развития ребёнка: «формировала» его физический облик (посредством массажа после родов), резала пуповину на книге (чтобы был умным), на топоре (чтобы был хороший работник) и т.д. Согласно многочисленным этнографическим описаниям, велика роль повивальной в праздновании крещения и «муровинок» (обряд смывания мира после крещения) [9, с. 392]. При занятости всех здоровых членов семьи в сельскохозяйственном труде немощные старики и старухи брали на себя обязанность присмотра за малолетними детьми дома. Именно бабушка приобщала детей к богатому фольклорному наследию, чем способствовала воспитанию их этнического самосознания. До самой смерти женщины они включены в систему социальных связей, существовавших в белорусской деревне.

Таким образом, в этнологической науке материнство рассматривается через призму традиционных устойчивых представлений этноса о роли матери в семье и обществе; устанавливаются социальные роли женщины на протяжении всей её жизни посредством анализа обрядов, верований, традиционных представлений.

Л и т е р а т у р а

1. Садохин, А.П. Этнология: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / А.П. Садохин. – М.: Гардарики, 2004. – 287 с.

2. Арьес, Ф. Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес; пер. с фр. Я.Ю. Старцева; послесл. Е.Ю. Фатеева. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 415 с.
3. Ракава, Л.В. Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання беларусаў у XIX – XX стст. / Л.В. Ракава. Беларуская навука, 2009. – 311 с.
4. Кабакова, Г.И. Мать / Г.И. Кабакова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под р. Толстого. Т. 3. К (Круг) – П. (Перепёлка) – М.: “Международные отношения,” 2004. – С. 203–208.
5. Арлова, Г.П. Беларуская народная педагогіка / Г.П. Арлова. – Мн.: Народная асвета, 1993. – 120 с.
6. Якубінская, А.Д. Традыцыйныя спосабы і сродкі сацыялізацыі дзяцей у беларускіх сялян у другой XIX – першай палове XX стагоддзяў: аўтарэф. дыс. канд. гіст.наук па спец. 07.00.07 / А.Д. Якубінская. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. – Мн., 2009. – 22 с.
7. Ракава, Л.В. Традыцыі сямейнага выхавання ў беларускай вёсцы / Л.В. Ракава. – Мн.: Ураджай 2000. – 111 с.
8. Чарадзеіныя казкі: У 2 ч. Ч.1 / НАН Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; К.П. Кабашнікаў, Г.А. Барташэвіч, рэд. выд. В.К. Бандарчыка. – 2-е выд., выпр. і дапрац. – Мн.: Белгосадукавытдз, 2003. – 639 с.
9. Матэрыялы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. / Собр. и приведены в порядок П.В. Шейном. Т.1, ч.1. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях / П.В. Шейн. – Петербург: Императорская академия наук, 1887. – 585 с.

Н.В. Банищикова (Беларусь)

КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЕМ ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ ПОСРЕДСТВОМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ

Практически повсеместно распространенное в современном глобальном и многонационально явление политкорректность определяют как практику прямого или опосредованного запрета на высказывание суждений, которые могут быть восприняты как оскорбительные представителями определенной пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации. Под языком политкорректности, о котором пойдет речь в данной работе, понимается тенденция употребления нейтрально окрашенных языковых единиц, не ущемляющих достоинство человека или групп людей в отношении расовой или половой принадлежности, социального статуса, здоровья, возраста, вероисповедания и сексуальной ориентации [1]. Понимание политкорректности не объясняет ни причин возникновения и столь широкого распространения этого явления, ни различий языка политкорректности в каждом отдельном обществе, ни иерархию означаемых отношений, тем самым - нивелируя «вездесущность власти» [2], о которой писал Мишленко. Учитывая то, что «власть есть везде», что «она производится каждое мгновение, во всякой точке» данной работе я докажу, что язык политкорректности есть попытка переозначивания отношений власти и покажу механизм его возникновения и развития с феминистской перспективы.

Социальные отношения выстроены и сконструированы как отношения доминирования и подчинения, в первую очередь, вокруг биологических различий людей. Речь идет о категориях, которые ровны как естественные, в их числе - пол и раса. Являющийся в современном мире инструментом трансформации отношений власти, язык политкорректности наиболее развит именно в этих областях. Прочие различия не изначальны, поскольку сами являются продуктом социальных отношений, и, например, классовые различия, которые возникают «вместе с частной собственностью и связанным с ней правом наследования» [3].

Самое первое разделение труда мужчин и женщин было по воспроизводству и связанным с этим функциям. А самая первая форма угнетения была по признаку пола, которая впоследствии доставила патриархату в наследство «от предшествующих социальных форм» [3]. «Всякое господство предполагает унижение подвластного» [3], которое, в первую очередь, реализуется языковыми средствами.

Общество возникает там, где появляется доминирование мужчин над женщинами, но обмен женщинами как дарами лежит в основе установления социальных отношений (между мужчинами как участниками обмена) до возникновения государства. С появлением парной семьи брак стал «самой фундаментальной формой обмена дарами, где именно женщины представляют собой неценные дары» [4]. Язык закрепляет мужское доминирование, и если система родства – это «система статусов и ролей» [4], то статус женщины определяется через статус мужчины, которому она принадлежит, вплоть до полной ее объективации и отсутствия идентичности вне брака. Например, слова «барыня» и «барышня» в русском языке, «mrs» и «miss», сохранившиеся в английском языке, определяют социальный статус женщины через ее принадлежность мужчине. Что же касается идентичности в случае невступления в брак, то тому хорошей иллюстрацией может послужить спектр окрашенности коннотаций «холостяк» и «старая дева», «bachelor» и «spinster».